

Сергей Морозов, Галифакс, Канада

Пятница, 13-е

Как и большинство людей, имеющих прямое отношение к морю, я – суеверен. Потому заказ на выход в море, да еще на целый день в пятницу тринадцатого несколько меня озадачил, если не сказать больше. Делать было нечего, ибо «лихие» девятностые плавно перешли в «сытые», но кушать от этого хотелось не меньше, и чартер в сезон неплохо меня подкармливал. Эстония, на территории которой я имел сомнительное счастье оказаться после развала Советского Союза, радостно плескалась в волнах независимости. И русскоговорящие, и совсем не говорящие по-русски выживали, как могли. Недолго думая, я принял заказ, и мы договорились встретиться возле лодки в десять часов утра. Итак: место действия – Эстония, 13 июня далекого уже 1997 года, пятница.

Заказчиками на чартер по Таллинскому заливу оказалась русская семья – папа, мама и сын лет двенадцати. Мы быстро нашли общий язык, загрузились и, бережно относясь к каждому часу прекрасной солнечной погоды, не так часто баловавшей нас в начале лета, отдали швартовы. Уже из устья реки Пирита была видна спокойная гладь залива, иногда поеживающаяся от легкого утреннего бриза. На небе – ни облачка, и рука невольно потянулась к бутылке истекающего холодной слезой пива. Первой генуи было вполне достаточно, грот я даже не стал разбирать и под легкими взмахами ветерка мы заскользили по заливу в сторону острова Аэгна. Впереди беззаботно маячил день любимой работы в идеальных условиях. Пятница не торопилась, она набирала силы.

К полудню совсем стихло. Парус повис усталым крылом и даже не трепыхался. Мы остановились где-то между Таллином и Аэгна, задрейфовав в полумиле от берега. Пассажирам нравилось, к великой моей радости, все! И ленивое движение яхты, и глубокомысленное молчание, которое мы не решились нарушить к обоюдостороннему согласию звуком работающего двигателя. Только вот как-то душновато стало, в один момент легла тяжелая, высокая дымка, и воздух остановился. Остановилось, казалось, все: и воздух, и Солнце, и время. Ребята спустились в каюту приготовить легкий перекус, я же остался наверху, с интересом наблюдая за полным штилем, столь редким для этих мест. Не было слышно ни привычного плеска воды у борта, ни крика чаек. В придачу к этому заморосил мелкий дождь, скорее даже, повисла морось. Но штиль молчал, и я, закутавшись в толстый реглан с капюшоном, как

бы растворился, стал одним целым с окружающим... Без мыслей, желаний, движения.

«Я еще не успела испить свою осень, А уже снегопад сторожит у ворот», – замурлыкал я полюбившийся еще в курсантские годы романс непревзойденной Нани Брегвадзе...

...Удар пришелся в левый борт и был такой силы, что лодка, накренившись, вантами и краспицами подветренного ушла в воду. Внизу, в каюте, шум падающей посуды перемешался со звуком падающих тел. Зацепившись левой рукой за леера ограждения, я рефлекторно взял румпель на себя, выводя лодку из брочинга. Мои старенькие шкоты, которые – о, счастье! – я так и не заменил на новые, скупердяйски решив отработать еще сезончик, лопнули, как шнуры от видавших виды штиблет, и лодка, наконец, встала на ровный киль. Подвернув и поставив лодку «на фордака», я попытался оглянуться и понять, что же произошло? Но ветер был такой силы, что легкие, раздувшись, отказались работать. Да и вода, летевшая горизонтально, не давала шанса увидеть что-либо на расстоянии нескольких метров. Воды было столь много, что самоотливной кокпит не справлялся. Дождь ли это или верхушки сорванных ветром волн – было не ясно. Похоже, что это было все вместе, вперемешку со слезами и соплями, обильно истекавшими из меня, и я, стоя по щиколотку в воде, только и мог, что держать под ветер. Генуя, освободившись от шкотов, вытянувшись во всю длину на форштаге, трепеща, как женщина в гневе, лупила себя по бокам шкотовым углом, разрывая саму себя. Я, став бесильным свидетелем подобного безобразия, случайно скользнул взглядом по лагу: 7... 7.5... 8 уз? Опаньки! Под одним рангоутом?

Интересно, как долго? Ведь впереди – Финляндия, до нее меньше 40 миль, и когда надо вертеть? И куда? Влево или вправо?

Тут я вспомнил о пассажирах! Скорее всего, потому, что внизу было очень тихо – ни звука! Неужели? Я боялся даже предположить, ведь на мне, как на владельце и капитане, была вся ответственность за них! Я откинул крышку люка и заглянул внутрь. То, что я увидел, превзошло все мои ожидания: три пары огромных, застывших, казалось, занимавших весь объем каюты глаз! Я им что-то сказал (интересно, что?), и они, ожив, заморгали.

– О, слава Богу!.. Я задвинул крышку на место. Ощущая всем телом тяжесть намокшей до трусов одежды, я приготовился к худшему – долго рулить в этих условиях. «Кстати, а где Аэгна? Оставляю я его «чисто» правым бортом или уже пора подворачивать?» И тут – извините за этот надоевший уже всем штамп, – закончился керосин или порох, или еще что-то. В один момент ветер ослаб настолько, что генуя, скорее, то, что от нее осталось, ухнув, упала на штаг, воду «выключили», и развиднелось. Лишь лодка продолжала катиться по инерции. Захлопав, ушла последняя вода из кокпита, и я выпрямился, осторожно оглядываясь. Впереди справа показались очертания Аэгны, сзади, собственно, где ему и следовало быть, появился контур Парусного центра.

«Все – на месте», – подумал я и затрясся. Меня начало колотить так, как, казалось, не колотило никогда! Похоже, впрыснутый в кровь страхом адреналин начал работать. Уличные драчуны знают этот финт: когда к вам пристают на улице и вечер перестает быть томным, опытные бойцы начинают первыми, тем самым выигрывая у адреналинового шока важнейшую первую минуту, которая все и решает. А, так как я был застигнут стихией врасплох, следовательно, испугаться не успел, посеми и реагировал трезво. Теперь адреналин – в системе. Я опустил на банку и попытался успокоиться, обхватив себя руками и поджав колени.

Медленно отъехала крышка люка, и показались три головы. Глаза моих пассажиров были уже гораздо меньших размеров, чем прежде, они смотрели на меня вопрошающе. Пауза затянулась.

– Вы бы переоделись, – сказала женская голова.

Другие же две продолжали тарашить на меня свои глаза, одновременно пытаюсь осмотреться по сторонам. «Удивительно, как женщины могут приходить в себя гораздо быстрее нас, сильного пола?» Я не ответил, зубы выбивали «Танец с саблями», и меня продолжало колотить. Женщина, осмотревшись, выбралась наверх, она и здесь оказалась смелее. За ней выбрались наружу и папа с пацаном. Все уселись напротив меня.

– Вы бы переоделись, – повторила женщина.

К этому моменту все вокруг совсем успокоилось, и только безжизненно свисавшие по штагу остатки генуи да я напоминали о случившемся. Но и мой организм, справившись с адреналином, сбавил обороты. Распрямившись, я спросил:

– Извините, а почему вы молчали, когда все произошло? Я перепугался за вас, точнее, меня испугало ваше полное молчание.

– А что было говорить? – ответила женщина... – Да и того, что говорили вы, было вполне достаточно!

– Как? Разве я что-то говорил? – искренне удивился я. – По-моему, обстановка не очень располагала...

– Вы не говорили, вы – «пели»! И, как лингвист-филолог, скажу честно, я – заслушалась. Мне еще в жизни не приходилось слышать столь, как бы это сказать, интересной, практически не повторяющейся брани в течение такого времени.

Я был смущен и озадачен – ничего не помнил. «Мало того, что ребята за свои же деньги «прокатились с ветерком», так я еще и проехался по их ушам!» Я взглянул на ее мужа.

– Я в самом деле ругался? – переспросил я.

– Да вы кричали так, что было слышно, наверное, на берегу, – ответил он, улыбнувшись.

– Вы бы переоделись, – в третий раз повторила филолог-лингвист, и я, согласившись, спустился в каюту.

К обоюдному согласию мы решили на этом завершить «прогулку», кстати, вспомнив о том, что сегодня 13-е, пятница. Я предложил вернуть деньги, но путешественники отказались. Компромиссом стала договоренность, что я их катаю в любое удобное для них время бесплатно. На том и порешили. Оставалось собрать остатки генуи и вернуться в Пирита. С первой частью я справился быстро, со второй же возникли некоторые проблемы. Как я уже говорил, после шквала штить остался таким же полным, каким был до него. Двигатель же отказался заводиться. Беглый осмотр показал, что в

камеру сгорания попала вода. Похоже, отсутствие невозвратно-запорного клапана на системе выхлопа позволило ей при столь сильном крене попасть в двигатель. Делать было нечего, и, включив УКВ-радио, я вызвал диспетчера, попросив Володю Степанова, капитана рейдового катера, за нами приехать.

Вовка прибыл через полчаса. Примерно через час-полтора мы были в Парусном центре. На месте швартовки нас встречала, немало удивив, большая группа людей. Среди них были преимущественно финны. Всем не терпелось услышать, как там было? Оказывается, шквал и на берегу был такой силы, что металлические флажки перед зданием яхт-клуба легли под тридцать пять градусов к земле.

Принять наши швартовы бросились сразу несколько человек! «Так мы – герои», – несколько смутился я. Но внимание к нашим скромным персонам было приятно и моим гостям, и мы принялись каждый по-своему и своей аудитории рассказывать, как все было!

Через некоторое время мы попрощались, обменявшись телефонами и договорившись созвониться о следующем выходе. Я же, проверив лодку и прибравшись, присел на рубку. День только перевалил за полдень, и впереди еще настойчиво маячила добрая половина пятницы. В море почему-то пока не хотелось, зато настойчиво захотелось выпить, и я, придав себе более или менее пристойный вид, поднялся в ресторан.

«Жизнь явно стала налаживаться», – подумал я и опрокинул стаканчик. Тут подошел Володя Степанов.

– Ты знаешь, что творилось в эфире? – полуспросил, полурезюмировал он. – И те, кто был в море, и даже те, кто уже стоял у стенки, орал в эфир «Мэйдэй». А что мы могли сделать? А ты что кричал?

– Я, собственно, радио включил, только чтобы тебя найти. Спасибо за помощь, кстати. С меня причитается.

– Идет, спасибо! – скромно согласился Вовка, посидел и побежал дальше работать.

Мне домой ехать было рановато, и, спустившись к администратору, я заказал на часик сауну, вспомнив, как меня колотило. «Погреюсь – и домой», – решил я. Часик в сауне сделал свое дело. Настроение было прекрасным, я чувствовал себя настоящим, если не героем, то мужчиной, вышедшим достойно из ситуации, мягко говоря, неординарной. «Не спеши, снегопад, я еще не готова...», – напевал я, одеваясь.

Выйдя из сауны, я отметил, что за большими окнами второго этажа начало темнеть.

...Тяжелая металлическая дверь из общего помещения саун оказалась... запертой. «Так, – улыбнулся я, – приключение продолжается, но уже на берегу!»

Проверив весь второй этаж, я нашел еще одну дверь, но и она, понятное дело, была заперта. Сел в кресло дневного администратора, задумался. Взгляд проследил за шнуром от телефонной розетки уходящим в

шкафа. Телефон не только работал, но и «девятка» приветливо была открыта для междугородних и международных переговоров. Рассказав о новом злоключении всем родственникам и друзьям, телефоны которых держала моя память, позвонил администратору главного корпуса яхт-клуба и попросил меня открыть.

Оказавшись на свободе, я сел в свой старенький «Wrangler» и взглянул на часы – они показывали начало одиннадцатого. «Итак, – подытожил я, – еще пару часов – и суббота!»

...Уже дома я кинул в машину стираться все мокрое и грязное после дневного «душа». Но, не успев смешать сто пятьдесят «Столичной» с грейпфрутовым соком, услышал плеск воды. Прислушался. Поставив стакан, резко открыв дверь ванной и аж отпрыгнул – струи теплой воды устремились по мягкому покрытию пола. Пятница 13-го подходила к концу...

P. S. Впереди меня ждали Англия, первый трансатлантический переход на 32-футовой старенькой яхте. Ураганы «Фэбиан» у берегов Бермуд и «Хуан» у восточного побережья Америки. Шесть лет в Канаде. Второй трансатлантик. Тропические шторма без числа, Америка, кругосветка. Но это все будет потом...